

№ АНТРАКТЪ. 25.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полугодовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей и въ винной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскій театръ.—Замѣтка.—Петербургскій театръ.—Афиши у древнихъ.—Письмо къ редактору.—Смѣсь. (Приказъ московскаго оберъ-полицеймейстера. Неудавшееся покушеніе. Примѣръ Ристори).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Третья роль г-жи Линовской.

Въ прошлый четвергъ г-жа Линовская имѣла третій дебютъ на нашей сценѣ; для него она выбрала роль Авдотьи Максимовны въ пьесѣ *Не въ свои сани не садись* и взялась не за свое дѣло. Эта роль существенно состоитъ изъ двухъ элементовъ: слезливости и сентиментальности. Плачетъ Авдотья Максимовна почти постоянно, во всей пьесѣ, кромѣ перваго дѣйствія, въ которомъ она является на нѣсколько словъ; во всѣхъ остальныхъ дѣйствіяхъ и сценахъ она, при малѣйшемъ поводѣ, ударяется въ слезы и безъ нихъ произноситъ рѣдкое слово. У актрисы, исполняющей эту роль, слезоточивыя же лѣзки должны быть способны источать слезы и, стало быть, раздражаться во всякое время. Условіе это, если угодно, довольно странно; но что же дѣлать, если есть роли, въ которыхъ именно нельзя обойтись безъ настоящей слезы, во время навертывающейся на глазахъ. У г-жи Линовской этой способности плакать на сценѣ настоящими слезами нѣтъ и потому она прибѣгала къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ, слишкомъ искусственному и вовсе не искусному приему закрывать все лицо платкомъ и хныкать. И то и другое всегда во вредъ дѣлу. Закрывать лица употребляется обыкновенно для того, чтобы скрыть отъ зрителя совершенное отсутствіе настоящихъ слезъ на глазахъ; но скрыть этого невозможно, потому что слезы не столько видятся зрителемъ на глазахъ актера (влажность глазъ очень легко можетъ ускользнуть отъ вниманія зрителя, нѣсколько близорукаго или невооруженнаго зрительной трубкой), сколько слышатся въ самомъ голосѣ плачущаго; стало быть, скрыть ихъ отсутствіе невозможно, и въ этомъ случаѣ актера съ закрытыми глазами всегда выдаетъ голосъ. А между тѣмъ вредная сторона закрыванья лица платкомъ заключается въ томъ, что этимъ актеръ самъ отнимаетъ у себя лучшее средство быть выразительнымъ и сильно дѣйствовать на зрителя: лицо—первое и могущественнѣйшее орудіе актера; безъ лица нѣтъ актера, и хорошій актеръ всегда долженъ помнить это; хорошій актеръ прежде всего будетъ заботиться о томъ, чтобы не только обратить на свое лицо

вниманіе зрителя, но чтобы приковать къ своему лицу его вниманіе, чтобы заставить зрителя не спускать глазъ съ этого лица. Что же касается до хныканья, то хотя это средство въ иныхъ случаяхъ и можетъ оказаться болѣе или менѣе дѣйствительнымъ, хотя оно и можетъ иногда, что называется, выручить актера, но вѣдь только *иногда* и въ *иныхъ случаяхъ*. Хныканье, безпрестанно повторяющееся въ теченіе двухъ большихъ дѣйствій, не только перестаетъ быть средствомъ дѣйствительнымъ, но становится просто несноснымъ, какимъ было и въ исполненіи г-жи Линовской. — Сентиментальностью въ роли Авдотьи Максимовны мы назвали то пошленькое, сладенькое, или, вѣрнѣе, разслащенное, разсыропленное не столько чувство, сколько чувствованье, которое кипитъ и безъ огня дымить въ неглубокой, какъ ладонь, душѣ этой купеческой дочки. Проявленіе этого чувствованьяца имѣеть, по отношенію къ роли Авдотьи Максимовны, двѣ разновидности: въ первомъ дѣйствіи и въ началѣ первой картины третьяго дѣйствія чувствованьеца (тяготѣніе къ Вихореву) прикрито у нея напускной стыдливостью, во всѣхъ остальныхъ сценахъ пьесы оно не прикрито ничѣмъ (тяготѣніе къ отцу и къ Бородину). У г-жи Линовской первый видъ проявленія сентиментальности Авдотьи Максимовны выразился изысканностью, приторною щеголеватостью, вычурностью движеній, жестовъ и словъ, жеманствомъ, слѣдующимъ даже изъ рѣчи ея силошной противуестественный лепетъ; во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ своей роли она прибѣгала, для выраженія внутренняго состоянія, душевнаго настроенія исполняемаго ею лица, къ приемамъ самымъ рутиннымъ: вскидывала и ломала руки, отчаянно качала головой, бросалась то на грудь, то къ ногамъ г. Садовскаго и, во всѣхъ этихъ случаяхъ метанья, укрывала отъ зрителей лицо свое, выкрикивала болѣе сильныя мѣста роли, при чемъ безпрестанно слышались неприятныя, сильные ноты, которыхъ такъ не мало въ голосѣ артистки; наконецъ она не задумалась даже употребить въ дѣло и растрепыванье волосъ, что, признаемся, особенно неприятно поразило насъ и отъ чего слишкомъ ужъ повѣяло стариной и плѣсенью. Совершенно не следила она съ передачею двухъ, болѣе сильныхъ моментовъ роли, когда Дуня выслушиваетъ наглая укоризны отъ Вихорева и когда является

съ повинной къ отцу. Выходку возлюбленного своего она приняла, почти спокойно, какъ что-то совершенно обыкновенное и давно ожидаемое ею; а слова: *я татенька*, съ которыми показывается Дуня на глаза отца, были произнесены ею въ такомъ невинномъ, простодушномъ тонѣ, что казались просто смѣшными. Къ этому надобно прибавить, что г-жа Линовская хотѣла сдѣлать изъ Авдотьи Максимовны молоденькую дѣвушку (чего, по піесѣ, вовсе не требуется отъ исполнительницы этой роли) и потому старалась быть моложе своихъ лѣтъ, что удается на сценѣ рѣдкой актрисѣ и что отзывалось у г-жи Линовской неприятнымъ наивничаньемъ и манерностью самаго дурного и ложнаго тона. Словомъ, взявшись за исполненіе этой роли, г-жа Линовская, повторяемъ, взялась не за свое дѣло: драматическія роли—не въ ея средствахъ. Говоримъ это положительно и безъ оговорокъ, потому что не боимся ошибиться: до такой степени съ разу выяснилось для насъ отношеніе артистки къ ролямъ этого рода! Сколько первые шаги г-жи Линовской на нашей сценѣ были тверды и рассчитаны, столько же не отличается ни твердостью, ни расчетомъ третій шагъ ея, что говорить не въ пользу ея артистическаго такта и показываетъ въ ней артистку, далеко не установившуюся. Пробоваться, намъ кажется, для г-жи Линовской уже нѣсколько поздно.

З А М Ъ Т К А.

Ниже, въ «Смѣси» этого № нашего листка мы перепечатаваемъ изъ Вѣдомостей Моск. Гор. Полиціи приказъ г. московскаго оберъ-полицеймейстера, относящійся до увеселительныхъ представлений частныхъ труппъ. Изъ этого приказа, между прочимъ, видно, что полиціи вѣняется въ обязанность наблюдать за недопущеніемъ циническихъ пріемовъ при этихъ представленіяхъ.

Давно уже и не мало удивлялись мы долготерпѣнію нашего общества; съ предосудительнымъ равнодушіемъ, если даже не съ полусочувствіемъ относилось оно къ возмутительнымъ по неприличію выходкамъ которыми щеголяли разнаго рода артисты (большею частью иностранцы), подвизавшіеся на сценахъ лѣтнихъ увеселительныхъ садовъ. Года три тому назадъ въ саду «Эрмитажъ» чуть было даже не разыгралась песторія, вызванная замѣчаниями нѣкоторыхъ, по несчастію, только немногихъ посѣтителей этого гулянья и высказаннымъ ими неудовольствіемъ, что садъ, открывающій свои двери за довольно высокую плату и, стало быть, рассчитывающій на публику, не привыкшую къ зрѣлищамъ и увеселеніямъ харчевень и полпивныхъ, рѣшается выписывать такихъ увеселителей и предлагаетъ такія увеселенія, отъ которыхъ отвращается всякое нравственное чувство. Но ни подобные энергическіе протесты людей благомыслящихъ, ни печатныя оужденія, являвшіяся въ нѣкоторыхъ (хотя тоже немногихъ) періодическихъ изданіяхъ, не помогали дѣлу, и мы не знаемъ, до какихъ размѣровъ и крайностей могли бы

дойти сальности и цинизмъ словъ, жестовъ, позъ и танцевъ на сценахъ увеселительныхъ садовъ, если бы правительство не приняло на себя заботу объ огражденіи нравственныхъ интересовъ публики, которые, повторяемъ, страдали до послѣдней возможности отъ совершенной безцеремонности затѣвжыхъ артистовъ самаго сомнительнаго достоинства. Отнынѣ порядочная женщина можетъ отважиться на посѣщеніе публичнаго гулянья безъ опасенія быть оскорбленной представленіями публичной сцены

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, Москва опередила Петербургъ. Московская публика сама и прежде петербургской рѣшилась отвернуться отъ неудобозримыхъ зрѣлищъ, и на нынѣшнее лѣто ни одинъ изъ содержателей московскихъ публичныхъ садовъ не рѣшился выписать пѣвцовъ и пѣвицъ, канканеровъ и канканерокъ, въ родѣ прошлагоднихъ Боверсъ, Деландъ, Лютензе и т. п., тогда какъ приказъ, о которомъ мы говорили выше, опубликованъ только на дняхъ, по истеченіи уже почти половины лѣтняго сезона. Между тѣмъ въ Петербургѣ и до сихъ поръ продолжаютъ на Минеральныхъ Водахъ подвизаться, къ вящему удовольствію публики, во всякаго рода игривыхъ экспериментахъ разныя дѣвицы Гандонъ и Лассени, для представленій которыхъ тамъ даже нарочно составляются особенныя «Revue».

Кстати, въ одномъ изъ такихъ «Revue» принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе нашъ прошлагодній знакомецъ, г. Бекефи, на которомъ оправдалась нѣмецкая поговорка: *Schuster bleibt bei dem Leisten*. Взятый, въ какихъ-то непонятныхъ соображеніяхъ, со сцены публичнаго сада на сцену московскаго театра, онъ, послѣ кратковременнаго пребыванія на немъ, возвратился въ первобытное состояніе; изъ артиста императорскаго театра опять сдѣлался артистомъ увеселительнаго заведенія и, по отзывамъ петербургскихъ газетъ, восхищаетъ публику Минеральныхъ Водъ изображеніемъ *колоссальной свиньи*, одного изъ дѣйствующихъ лицъ той-же «Revue». Радуетъ за нашу сцену, у которой меньше однимъ танцоромъ-акробатомъ; радуется за г. Бекефи, который снова оказался при своемъ настоящемъ дѣлѣ и силы котораго снова нашли себѣ настоящее приложеніе и тратятся производительно. Впрочемъ, повторяемъ, что слово о Бекефи мы замолвили только вскользь, *кстати*.

Возвращаясь къ приказу г. оберъ-полицеймейстера, мы имѣемъ полное право надѣяться, что заботливость правительства въ этомъ случаѣ не можетъ ограничиться только одними публичными гуляньями и что распоряженіе г. министра внутреннихъ дѣлъ должно, конечно, распространиться на всякаго рода зрѣлища, а, стало быть, также (и даже прежде всего) на театры. Мы увѣрены, что этимъ распоряженіемъ окончательно и на всегда устранится канканъ и со сцены императорскаго театра, гдѣ ему рѣшительно уже не можетъ и не должно быть мѣста. Мы удивляемся, какъ до сихъ поръ этотъ нетерпимый танецъ былъ терпимъ на нашей сценѣ. Развѣ публика не заявляла громко своего неудовольствія противъ этого танца, особенно когда онъ дошелъ до крайности въ одномъ изъ лѣтнихъ спектаклей прошлаго года въ исполненіи г.

Третьякова (въ водевилѣ *Вдовушки-дѣвочки*)? Развѣ сочувственно отнеслась публика къ канкану г-жи Циуновой-Шмидгофъ, недавно протанцованному ею въ водевилѣ *Голь на выдумку хитра*? Если этотъ танецъ и вызываетъ иногда крики одобренія, то вѣдь нельзя же въ этомъ случаѣ упускать изъ виду того, что эти крики идутъ обыкновенно ихъ верхней галлерей зрительной залы. Огромное большинство публики, мы не сомнѣваемся, не меньше насъ порадуются паденію возмутительнаго танца.

Заговоривъ о лѣтнихъ увеселительныхъ гуляньяхъ и сочувственно отозвавшись на чрезвычайно важное распоряженіе объ устраненіи изъ нихъ всего непозволительнаго и безнравственнаго, мы не можемъ оставить безъ вниманія еще одинъ родъ представленій, который въ послѣднее время можетъ почитаться однимъ изъ самыхъ распространенныхъ. На эстрадахъ многихъ трактировъ и на сценахъ разныхъ садовъ стали появляться артисты-разсказчики, которые выбираютъ предметомъ своихъ разсказовъ обыкновенно, и чуть-ли даже не единственно, придуманныя ими *сцены изъ народнаго быта*. Не отличающіяся въ большей части ни остроуміемъ, ни изобрѣтательностью, ни силой и типичностью языка (который отзывается всегда жалкимъ, намѣренно искаженнымъ и изуродованнымъ подлаживаньемъ подъ языкъ народный), страдающія въ сильной степени бѣдностью мысли, вымысла и даже простаго здраваго смысла, сцены и разсказы эти пошло осмѣиваютъ русскаго простолюдина, который является непремѣннымъ дѣйствующимъ лицомъ этихъ сценъ и героемъ самыхъ невозможныхъ безчинствъ и дурачествъ. Мы не противъ шутки вообще; но мы требуемъ и отъ шутки, чтобы она не была безцѣльна и не выходила изъ предѣловъ. Какую же цѣль, желали бы мы знать, имѣетъ постоянное подшучиванье публичныхъ разсказчиковъ надъ безсмыслиемъ нашего простонародья, того самаго простонародья, которое прежде всего и больше всего крѣпко своимъ здравымъ смысломъ? Развѣ не изъ среды этого простонародья вышли пословицы: *Отъ-ми, Господи, руки, ноги, да оставь разумъ*, или—*у мужика кафтанъ спръ, да умъ у него не волокъ съплъ*, или—*не купи гулина, купи ума* и мн. др.? Развѣ нашъ простолюдинъ не въ правѣ приложить къ себѣ народную поговорку: *въ ученіи не много, да въ разумъ твердъ*? Развѣ мимо нашего простолюдина молвилось меткое народное присловье: *лучше слыть озорникомъ, чѣмъ дуракомъ*? Развѣ не для него проста (въ смыслѣ глупости) *хуже воръства*? И развѣ выставлять его дурковатымъ и несмышленнымъ—не значить валыгать на него? Намъ нерѣдко приходилось выслушивать эти разсказцы и мы всегда не мало удивлялись: для кого и для чего разсказываются они, чѣмъ могутъ интересоваться и смѣяться? Развѣ только иными чудными словцами, да измышленными оборотами. Самымъ остроумнымъ и удачнымъ изъ такихъ разсказовъ почитается, сколько мы могли замѣтить, разсказъ о простолюдинѣ, пришедшемъ въ театръ съ бутылкою кислыхъ щей и снявшемъ сапоги; по крайней мѣрѣ, эта исторія чаще другихъ и почти каждый разъ повторяется разсказчиками. Но и въ этой исторіи мы не нашли

ничего остроумнаго и истинно-смѣшнаго и, слушая ее, могли только удивляться пустотѣ и ничтожности фантазій, породившей ее. Прежде, публичною передачею этихъ, черезчуръ незатѣливыхъ разсказцевъ занимался у насъ, въ Москвѣ, только одинъ г. Горбуновъ. Мы не удивлялись, встрѣчая безпрестанно его имя на разныхъ трактирныхъ афишахъ, потому что въ трактиръ приходятъ, конечно, вовсе не для слушанія и, если слушаютъ что нибудь, то развѣ въ полъ-уха; но не безъ удивленія стали мы потомъ замѣчать, что разсказы г. Горбунова начали входить въ составъ нѣкоторыхъ любительскихъ спектаклей, а великимъ постомъ прошлаго года г. Горбуновъ былъ даже приглашенъ къ участію на одномъ семейномъ вечерѣ здѣшняго Дворянскаго Клуба. Теперь дѣло пошло еще дальше. Г. Горбуновъ нашелъ себѣ подражателей, и разсказчики-спеціалисты перенесли свою дѣятельность и въ лѣтніе сады. Въ то время, какъ г. Горбуновъ разсказываетъ на сценѣ сада Брауна (въ Сокольникахъ), на дачѣ Сухановой (въ Петровскомъ Паркѣ) юмористическія сцены изъ народнаго быта разсказываетъ новый разсказчикъ-спеціалистъ, г. Соколовъ. Такъ какъ мы положительно не сочувствуемъ этому дѣлу и не можемъ ждать ничего хорошаго отъ его развитія, то и рѣшились высказать въ общихъ чертахъ нашъ взглядъ на него, тѣмъ болѣе, что дѣло это слишкомъ легко дается и стало быть можетъ вызвать большое количество дѣятелей, чего вовсе ужъ нельзя желать.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ.

Всѣ петербургскія иностранныя труппы, какъ перелетныя птички, давнымъ давно отправились отдыхать въ родные свои края. Одна только русская труппа продолжаетъ свою артистическую дѣятельность, хотя и въ ней замѣтенъ большой недостатокъ относительно первыхъ сюжетовъ, изъ которыхъ очень многие числятся въ отпуску. Отсутствіе любимцевъ петербургской публики, даетъ возможность молодымъ, начинающимъ артистамъ пробовать свои силы на болѣе или менѣе серьезныхъ роляхъ. Такъ, въ послѣднее время молодая и очень хорошенькая собою артистка, г-жа Глѣбова, окончательно зарасположила къ себѣ зрителей, исполнивъ четыре разнообразныя роли: Лизы въ «Горѣ отъ ума», шалуна-гусара и вмѣстѣ съ тѣмъ молодой дѣвушки въ старинномъ водевилѣ «Чудо нашего столѣтія», Вѣры Васильевны въ комедіи «Бѣлая Камелія» и горничной въ водевилѣ «Глухой всему виной». Изъ всѣхъ названныхъ ролей въ особенности удалась г-жѣ Глѣбовой роль съ переодѣваньемъ въ водевилѣ «Чудо нашего столѣтія». Эта пустынька роль много, разумѣется, выиграла отъ милостивости самой артистки. Кромѣ того, г-жа Глѣбова сумѣла выказать довольно смѣлости и бойкости, то есть, выполнила всѣ тѣ необходимыя условія, безъ которыхъ подобныя роли существовать не могутъ. Нельзя сказать, чтобы г-жа Глѣбова не поняла роли Лизы: общій тонъ грибоѣдовской служанки пере-

данъ ею довольно вѣрно; но попадалось много мѣстъ и такихъ, надъ которыми артистка не потрудилась подумать. Очень часто случалось также, что г-жа Глѣбова ошибалась въ удареніяхъ и тѣмъ совершенно измѣняла смыслъ рѣчи. Исполняя роль горячичной въ водевилѣ «Глухой всему виной», г-жа Глѣбова была такъ весела и разнообразна, что невольно увлекала зрителей. Въ этой пьескѣ главную роль глухого исполнилъ молодой и весьма талантливый актеръ г. Ивановъ, который придалъ много типичности набросанному слегка характеру. Успѣху этого водевиля много способствовала также любимица петербургской публики, г-жа Лелева, въ роли молодой пансіонерки, только что окончившей курсъ наукъ.

Изъ дебютантовъ, появившихся въ послѣднее время, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія г-жа Линовская, гг. Измайловъ и Калугинъ. О первой читатели Антракта имѣютъ уже понятіе по ея дебютамъ на московской сценѣ. Въ Петербургѣ она сыграла одну только роль Дуни въ небольшой пьескѣ или, вѣрнѣе, сценѣ г. Стаховича «Ночное». Успѣхъ г-жи Линовской въ этой роли былъ большой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и далеко незаслуженный. Артисткѣ ни съ того ни съ сего пришла фантазія изъ симпатичной крестьянской дѣвушки сдѣлать какую-то дуру, идиотку. Понятное дѣло, что масса публики легко поддавалась впечатлѣнію отъ комической стороны роли, сочиненной, впрочемъ, не авторомъ, а г-жею Линовской.

Г. Измайловъ, для перваго своего дебюта, взялъ роль глухого доктора въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка». Въ дебютантѣ замѣтна большая привычка къ сценѣ; всю роль, отъ начала до конца, онъ выдержалъ съ большимъ тактомъ, но особенно удались ему сцены, въ которыхъ приходится ему цѣловать ручку у бабушки-невѣсты. Г. Измайловъ такъ нерѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ комично наклонялся къ рукѣ и чмокалъ ея губами, что публика не могла удержаться отъ смѣха и долго аплодировала ему. По окончаніи водевиля, всѣ исполнители были вызваны два раза. Что же касается до третьяго дебютанта, г. Калугина, то, по роли Андрея Титыча, въ комедіи г. Островскаго «Тяжелые дни», судить о талантѣ молодаго артиста слишкомъ затруднительно. Видно, впрочемъ, что дебютантъ прежде, чѣмъ показаться на петербургской сценѣ, много потрудился надъ обработкою своего дарованія.

Въ заключеніе приходится сообщить нерадостную вѣсть для почитателей нѣмецкаго театра. Петербургъ больше не увидитъ своего любимца г. Гаазе. Похищеніе это сдѣлано герцогомъ Кобургскимъ, который такъ увлеченъ талантомъ знаменитаго артиста, что ни за что не хочетъ съ нимъ разставаться. Онъ сдѣлалъ его пожизненнымъ директоромъ своего придворнаго театра.

П--нѣ.

АФИШИ У ДРЕВНИХЪ.

(Статья Шарля Маньена *).

Греки до конца Пелопонезской войны, а, можетъ быть, даже до македонскаго владычества, не употребляли афишъ, чтобы анонсировать свои большія публичныя зрѣлища. Когда афиняне, извѣщенные глашатаемъ, толпами стремились на празднества Вакха, на трагическія и комическія состязанія, составлявшія часть Діонисіевыхъ и Панаѳнейскихъ празднествъ, они не знали ни автора, ни сюжета пьесъ, которыя оспаривали другъ у друга награду.

Въ ту минуту, когда глашатай вызывалъ на сцену поэта, очередной пьесы,—большая или меньшая знаменитость конкуррента была предметомъ радости или неудовольствія публики. «Какое неудовольствіе испытала я въ театрѣ — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ у Аристофана — я уже давно ждалъ, что объявятъ Эсхила, а глашатай закричалъ: Теогины! выводите хоръ!» (*)

Въ Римѣ извѣщеніе объ играхъ также долгое время дѣлалось глашатаями. Формула объявленія была слѣдующая: «Convenite ad ludos spectandos» (ступайте смотреть игры). Объявленіе объ играхъ, происходившихъ одинъ разъ въ сто лѣтъ, было таково: «Convenite ad ludos, quos nec spectavit quisquam, nec spectaturus est» (ступайте смотреть игры, которыхъ никто изъ васъ не видалъ и не увидитъ). Глашатаи объявляли въ Римѣ даже часть похороннаго поѣзда знаменитыхъ лицъ,—церемонія, какъ извѣстно, часто сопровождавшаяся сценическими играми. Что касается до заглавія и сюжета пьесы, то они объявлялись зрителямъ только черезъ актера, произносившаго *Прологъ*.

Позднѣе, во времена императоровъ, была очень странная манера анонса. Консулы, передъ отъѣздомъ своимъ въ назначенныя имъ провинціи, посылали впередъ себя официальные письма, въ которыхъ они излагали свои административныя предположенія. Эти посланія или, какъ теперь они называются, программы помѣщались на скрижаляхъ, или двойныхъ таблѣткахъ изъ слоновой кости. Барельефъ на верхней ихъ части представлялъ обыкновенно садовника, сидящаго на курульномъ креслѣ, держащаго въ одной рукѣ консульскій скипетръ и дающаго другою рукою, посредствомъ полотнянаго лоскута сигналъ къ началу игръ. Внизу были изображены различныя зрѣлища, обѣщавшія провинціямъ. Почти на всѣхъ консульскихъ скрижаляхъ, дошедшихъ до насъ въ довольно большомъ количествѣ, изображены игры амфитеатра и цирка; только на одной или двухъ изъ нихъ сценическія игры. Это произошло отъ того, что большая часть этихъ памятниковъ относится къ III, IV, V и VI вѣкамъ, т. е. ко времени, когда бѣги и бои звѣрей были предпочитаемы и гораздо охотнѣе посѣщаемы, чѣмъ представленія драматическія.

Впрочемъ Греція, послѣ архонтства Эвклида, и Италия, въ концѣ республики, имѣли нѣчто въ родѣ

(*) Изъ *Revue des deux mondes*.

(*) Аристоф. *Ахаряне*. V. 9—11.

афишь, только не для торжественныхъ праздниковъ и не для игръ, составлявшихъ часть общественныхъ священнодѣйствій, но для зрѣлищъ, даваемыхъ антрепренерами или устраиваемыхъ частными людьми, которые изъ какихъ либо расчетовъ или изъ тщеславія хотѣли возбудить къ себѣ общественное вниманіе.

Афиши эти были рисованныя и писанныя. Афиши рисованныя были вставляемы въ рамки и вывѣшивались у театральныя двери. Ихъ насчитываютъ три рода. Афиши перваго рода были простымъ изображеніемъ сценической маски, которая, помѣщенная на столбикѣ или на ступеняхъ, показывала публикѣ, какаго рода была предполагаемая къ представленію пѣса: трагическаго, комическаго, сатирическаго или мимическаго. Афиши втораго рода представляли всѣ маски пѣсы, соединенныя въ одной рамѣ, въ формѣ зданія, украшеннаго колоннами и фронтономъ. Третій родъ рисованныхъ афишъ заключалъ въ себѣ полную картину, въ которой была изображена одна изъ главныхъ сценъ драмы. *Tabellae sciticae* Калада, о которыхъ говоритъ Плиній, по нѣкоторымъ древнимъ писателямъ, были ничто иное, какъ афиши подобнаго рода. Притомъ мы знаемъ, по Горацию, что лица, дававшія зрѣлища, особенно гладиаторскія игры, выставляли у дверей амфитеатра картину, представляющую различныя бои, долженствовавшія быть исполненными на аренѣ. Графъ де-Кейлюсъ основательно замѣчаетъ, что употребленіе этихъ живописныхъ афишъ сохранилось еще въ Италіи. Съ утра вывѣшиваются у дверей небольшихъ театровъ самыя поразительныя сцены пѣсы, имѣющей быть представленною вечеромъ (*).

Что касается до афишъ писанныхъ, то видъ Помпейскихъ стѣнъ заставляетъ отбросить всякое сомнѣніе въ ихъ существованіи. Мы знаемъ изъ Плавта, что въ его время стѣны Рима покрывались объявленіями, писанными крупными литерами. Объявленія эти были о потерянныхъ или найденныхъ вещахъ. Розысканія, сдѣланныя въ Помпеѣ въ началѣ настоящаго столѣтія, открыли для насъ нѣсколько подобныхъ афишъ, писанныхъ кистью красными буквами. Правда, что изданныя до сихъ поръ подобнаго рода афиши заключаютъ въ себѣ только объявленія объ охотахъ и гладиаторскихъ бояхъ, но весьма вѣроятно, что употреблялся тотъ же самый способъ для объявленія дня, часа и состава сценическихъ игръ, а также и для объявленія тѣхъ обѣщаній, которыя устроители или

директоры давали публикѣ, какъ напр., о томъ, что надъ зрителями будетъ раскинутъ навѣсъ: *vela erunt*.

Наконецъ древнимъ, можетъ быть, были извѣстны также и афиши, начерченныя на таблѣткахъ, натертыхъ воскомъ. Одна изъ картинъ, найденныхъ въ Геркуланумѣ, показываетъ намъ внутренность кабинета или, какъ мы теперь говоримъ, *уборной*, въ которой одѣвается трагикъ. Женщина, стоя на колѣняхъ передъ столомъ, на которомъ лежитъ маска, чертитъ остріемъ стилета какія-то слова, о которыхъ неаполитанскіе антикваріи предполагаютъ, что это названіе трагедіи, имѣвшей быть разыгранною.

Нельзя забыть о памятникахъ, которые также служили для анонсовъ: я говорю о тессерахъ (четвероугольныхъ плиткахъ), сохранившихся въ нѣкоторыхъ собраніяхъ и найденныхъ въ Валоніи и Арлѣ.

Тессеры, называемыя театральными, были отличны отъ имѣвшихъ другое назначеніе, это—жетоны, обыкновенно костяные или металлическіе, служившіе билетами для входа въ театры, цирки и другія собранія. Нумера скамьи и сѣдалища были означены на тессерѣ. Употребленіе тессеръ, какъ контроль-марокъ, неоспоримо, но еще подлежитъ большому сомнѣнію предположеніе, что на тессерахъ, кромѣ мѣста въ театрѣ, иногда означались имя автора и названіе пѣсы.

Можно допустить, что антрепренеры театральныя зрѣлища могли имѣть у себя извѣстное число жетоновъ изъ свинца, изъ простой кости и, пожалуй, даже изъ слоновой, хотя эта послѣдняя была и дорога; можно согласится и съ тѣмъ, что богатыя или знатныя лица, откупившія или заслужившія право занимать въ театрѣ извѣстныя мѣста, или раздавать ихъ по своему произволу, заказывали вырѣзать на слоновой кости нумера и значки своихъ мѣстъ; но нельзя допустить, чтобы, дававшій спектакль могъ заказать граверу тысячу двѣсти или полторы тысячи жетоновъ изъ слоновой кости для одного только представленія.

Очень жаль, что ни одна подлинная театральная афиша древнихъ не дошла до насъ; столь драгоценный памятникъ объяснилъ бы многое, остающееся темнымъ. Мы бы, напр., знали вѣрно, по скольку пѣсы играли въ одинъ день, знали бы эпохи различныхъ игръ, часы представленій и т. п. Конечно, на все это мы имѣемъ указанія и данныя, но не имѣемъ вѣрныхъ доказательствъ.

В. П.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ *Антрактѣ* господа «обскуранты», они же и «темные люди», за особенное удовольствіе для себя полагаютъ придирается ко мнѣ, во что бы то ни стало. Мои скромныя буквы не даютъ имъ покоя, и хотя бы съ рискомъ впасть въ пустоту, они не пропускаютъ нумера, что-

(*) Не только афиши нашихъ балагановъ и лѣтнихъ гуляній сохранили такія изображенія, но даже и афиши нашихъ провинціальныхъ театровъ. Переводчику этой статьи самому случилось видѣть наши провинціальныя афиши, возвѣщающія о представленіяхъ *Гамлета* Шекспира, съ изображеніемъ той сцены, въ которой Гамлетъ колѣетъ короля; *Короля Энціо*—съ изображеніемъ сцены, въ которой Энціо ложится въ гробъ, и *Материнкаго благословенія*—съ изображеніемъ Маріи, стоящей на колѣняхъ передъ отцомъ, или пляшущей подъ игру на виолѣ.

Прим. перев.

бы не стать противъ меня въ позицію. Я молчалъ, думая, что это литературное фехтованіе служить лишь временнымъ, случайнымъ явленіемъ на страницахъ вашего уважаемаго журнала; но дѣло, какъ видно, становится хроническимъ, и я рѣшаюсь обратиться къ вашему безпристрастію съ просьбою позволить мнѣ дать отпоръ моимъ оппонентамъ. Я дѣлаю это тѣмъ съ большею смѣлостью, что «письма темныхъ людей» ставятъ, на мой взглядъ, самый *Антрактъ* не совсѣмъ въ ловкое положеніе, такъ какъ, изловляя всюду малѣйшее разногласіе, малѣйшую тѣнь разногласія въ артистическихъ и театральныя отзывы другихъ изданій, и спѣша тотчасъ же засыпать васъ рядомъ, для васъ самихъ, я думаю, назойливыхъ вопросовъ, гг. обскуранты очевидно желаютъ дать почувствовать, что одни сужденія *Антракта* вѣрны и непогрѣшмы—претензія, которой, я увѣренъ, вы не раздѣляете, но которая все таки можетъ подъ конецъ показаться читателямъ смѣшною.

Оставляю въ сторонѣ мелкія нападки, которыми преизобилуетъ и послѣдній, 24 № *Антракта*, гдѣ преподаются мнѣ уроки стилистики и гдѣ гг. обскуранты прикидываются, будто бы не понимаютъ, о какой перемѣнѣ декораций я говорю: эти нападки слишкомъ невинны, чтобы на нихъ останавливаться. Скажу лишь о тѣхъ нападкахъ, гдѣ совершенно искажалась истина и мнѣ приписывались вещи, о которыхъ я и не помышлялъ даже. Въ 9 № *Антракта* на меня жестоко нападаютъ за мои рекламы въ пользу Артистическаго Кружка, увѣряя читателей, что я окончательно роняю достоинство рекламы и компрометирую, не только свое имя (ужъ куда тутъ мое имя!—оно, по мнѣнію гг. обскурантовъ, ужъ давно скомпрометтировано), но и имя человѣка, котораго я публично, по несчастью для него, назвалъ своимъ учителемъ въ фельетонномъ дѣлѣ, а именно г. Пановскаго. Когда реклама является дѣломъ неблаговиднымъ и недостойнымъ? Когда въ ней говорится положительная неправда. Но такъ ли было въ настоящемъ случаѣ? Рекламираю объ одномъ изъ музыкальныхъ собраній кружка, я сказалъ, между прочимъ, что онъ имѣетъ цѣлью служеніе искусству и его популяризацию: имѣлъ ли я право сказать это? Развертываю уставъ Артистическаго Кружка, и на первой же страницѣ читаю слѣдующее:

«Статья 2. Члены собираются: а) для исполненія музыкальныхъ произведеній *классическихъ*, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, а равно и современныхъ композиторовъ; б) для исполненія и обсуждения произведеній членовъ кружка; в) для чтенія литературныхъ произведеній; д) для обилія мыслей о произведеніяхъ по *всѣмъ* отраслямъ искусствъ, объ ихъ теоріи и практикѣ; е) для доставленія начинающимъ и не пользующимся извѣстностью пріѣзжимъ въ Москву артистамъ возможности ознакомиться съ публикой».

Значитъ, еслибъ Кружокъ даже и дурно велъ свои дѣла, еслибъ онъ совсѣмъ забылъ о дѣлахъ, ради которыхъ онъ образовался, еслибъ, наконецъ, онъ дѣйствительно былъ въ настоящее время такимъ гнуснымъ вертепомъ, какимъ изображаютъ его на страницахъ *Антракта*, то и тогда за мною оставалось бы пол-

ное право сказать, что кружокъ имѣетъ *цѣлью* служеніе искусству. Но точно ли Артистическій Кружокъ совсѣмъ не служитъ цѣлямъ искусства и совсѣмъ не заботится о популяризации классическихъ музыкальныхъ произведеній? Припомнимъ, что было сдѣлано Кружкомъ съ 1-го января нынѣшняго года. Въ январѣ было 9 музыкальныхъ и литературныхъ вечеровъ, въ февралѣ ихъ было пять, въ мартѣ семь, въ апрѣлѣ четыре, въ маѣ четыре; въ эти вечера главнѣйшимъ образомъ исполнялись, лучшими нашими артистами и пріѣзжими знаменитостями, піесы Бетховена, Мендельсона, Гайдна, Шопена, Глинки, Даргомыжскаго; гг. Островскій, Чаевъ, Писемскій читали свои прежнія и новыя произведенія; артисты здѣшней сцены читали Гоголя и другихъ авторовъ. Лѣтомъ музыкальныя собранія происходятъ въ саду Кружка, при чемъ театральнымъ оркестромъ и хоромъ, съ участіемъ наличныхъ оперныхъ солистовъ, исполняются отрывки изъ лучшихъ оперъ. Есть предположеніе дать такому исполненію, если можно, характеръ послѣдовательнаго цѣлаго, такъ чтобъ въ одинъ вечеръ слушатели могли ознакомиться, актъ за актомъ, со всею піесой. Кромѣ того, при Кружкѣ будетъ издаваться артистическій сборникъ, и доходы съ этого изданія, а также и другія средства Кружка, предполагается употреблять на содѣйствіе людямъ недостаточнымъ въ изданіи ихъ музыкальныхъ и литературныхъ сочиненій. Неужели же, послѣ этого, скажутъ мнѣ, что я солгалъ передъ публикой, заявивъ о серьезныхъ цѣляхъ Артистическаго Кружка?

Другой случай. Въ томъ же номерѣ *Антракта*, гг. обскуранты утверждаютъ, будто бы я ставлю г-жѣ Піуновой въ достоинство чрезмѣрную развязность и безцеремонность ея игры. Ничего подобнаго я никогда не говорилъ. Вотъ что сказано у меня въ № 11-мъ *Современной Литотисы*: «Г-жа Піунова-Шмитгофъ, дебютировавшая на этихъ дняхъ въ нѣсколькихъ водевиляхъ, и дебюту которой предшествовала громкая провинціальная слава, артистка, безспорно, не безъ дарованія: при очень миловидной наружности, она умѣетъ придать роли нѣкоторую типичность, умѣетъ осмыслить и подчеркнуть, *даже иногда слишкомъ*, каждое въ ней характеристическое слово, и наконецъ, отличается веселостью, бойкостью и смѣлостью игры, *доходившими подчасъ до чрезмѣрной развязности. Недостатки* ея таланта, наложенные на нее провинціальною сценой, *а именно отсутствіе мѣры и художественной сдержанности, о которомъ я сейчасъ упомянулъ*, могли бы еще, пожалуй, сгладиться подъ влияніемъ серьезной сцены; но у г-жи Піуновой-Шмитгофъ есть еще недостатокъ, дѣлающій для нее особенно труднымъ постоянное участіе въ водевиляхъ и пр.»

Можно ли было, скажите сами, изъ этихъ словъ, ясныхъ и не допускающихъ никакого двусмысленнаго толкованія, вывести заключеніе, что я указанныя мною же самимъ недостатки ея игры ставлю ей въ достоинство? Не умышленное-ли это искаженіе моихъ словъ, не явная-ли это клевета, тѣмъ болѣе досадная, что она становится между двухъ дѣятелей, такъ дружно шедшихъ донинѣ къ единой общей имъ цѣли—къ освѣженію русскаго театра

живительною струей классическаго репертуара. Не разъединяться посредством мелких придирокъ и недостойнаго ихъ глумленія, надобно было-бы этимъ дѣятелямъ, а соединяя свои силы, дружно дѣйствовать противу вліяній, враждебныхъ ихъ цѣлямъ, а такихъ враждебныхъ вліяній, явныхъ и темныхъ—о какъ еще много! Достанетъ на любую полемику...

Примите, и пр.

Н. Н.

Помѣщая это письмо, мы надѣемся, что оно вызоветъ необходимое объясненіе со стороны авторовъ *Писемъ темныхъ людей*. Съ своей стороны мы хотимъ только увѣрить г. Н. Н., что въ дѣлѣ стремленія къ очищенію и обновленію репертуара никто и ничто не можетъ развести насъ съ нимъ и стать между имъ и нами, какъ никто и ничто не можетъ намъ дать другіе глаза, столкнуть насъ на другую дорогу, заставить насъ стремиться къ другой цѣли. Если мы до сихъ поръ дѣйствовали въ одномъ смыслѣ, въ одномъ направленіи и шли съ нимъ рука объ руку, то смѣемъ увѣрить его, что мы не отнимемъ своей руки до тѣхъ поръ, пока въ насъ не погаснетъ послѣдняя искра любви къ театру, пока не остынетъ наше горячее желаніе добра русской сценѣ и русскому драматическому искусству. А эта же любовь и это же желаніе не меньше, если еще не больше, чѣмъ насъ, руководятъ, конечно, и г. Н. Н. въ его дѣятельности на пользу русскаго театра—и вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается крѣпкая, прочная связь наша съ нимъ.

Ред.

С М Ъ С Ъ.

— Въ № 133 Вѣдомостей Московской Городской Полиціи опубликованъ слѣдующій Приказъ г. московскаго оберъ-полиціймейстера: «Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ Г. Московскому Генералъ-Губернатору, что въ программу увеселительныхъ вечеровъ, даваемыхъ частными труппами, входить, между прочимъ, исполненіе иностранными артистами пѣсенъ и комическихъ сценъ съ полною театральною обстановкою и даже въ костюмахъ, а афиши объ этихъ представленіяхъ дозволяются къ напечатанію безъ предварительнаго одобренія цензурою текста, или либретто исполняемыхъ сочиненій, почему Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати полагалъ необходимымъ: 1) чтобы либретто и тексты исполняемыхъ на всѣхъ вообще загородныхъ, а также находящихся и въ чертѣ города гуляньяхъ, піесъ, сценъ, балетовъ, пантомимъ, куплетовъ и пѣсенъ были представляемы на предварительное разсмотрѣніе цензуры драматическихъ сочиненій, согласно ст. 1 отд. V закона 6 апрѣля 1865 г., и 2) чтобы полиціи было вмѣнено въ обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ цензурныхъ постановленій и за недопущеніемъ циническихъ пріемовъ при исполненіи разрѣшенныхъ въ этомъ порядкѣ представленій.

«О такомъ заключеніи Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, утвержденномъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, получивъ предложеніе Генералъ-Адъютанта Князя Долгорукова, даю знать по полиціи, для надлежащихъ распоряженій и наблюденій».

— На дняхъ миланскій театръ едва не сдѣлался жертвою пламени. Во время представленія оперы Гуно «Фаустъ», въ срединѣ втораго дѣйствія, вдругъ изъ подъ пола повалилъ густой дымъ. Публика страшно перепугалась. Кто-то изъ зрителей крикнулъ: *пожаръ, горимъ!* Крикъ этотъ произвелъ панической страхъ на всѣхъ тутъ бывшихъ. До этого многіе очень свободно направились къ выходамъ и почти безъ труда выбрались на улицу. Но какъ скоро раздался крикъ, то всѣ опростомъ бросились къ дверямъ; тѣнота и давка сдѣлались невообразимыми; нѣкоторые изъ зрителей такъ были притиснуты, что теряли чувства, а у многихъ въ давкѣ вывихнуты были руки и ноги. Отчаяніе овладѣло всѣми, рыданіе женщинъ и стоны раненыхъ довершали страшную картину всеобщаго ужаса. Напрасно директоръ театра и режиссеры старались успокоить зрителей; ни что не помогало. Наконецъ сильнымъ напоромъ массы народа, перегородки, отдѣлявшія зрительную залу отъ коридоровъ, разломилась и дали публикѣ свободный выходъ. Между тѣмъ опасность давно миновалась. Дѣло въ томъ, что въ нижнемъ подпольномъ люкѣ оказалась большой боченокъ пороха, приготовленный нарочно для того, чтобы поджечь театръ. Около сдѣланнаго отверстія въ боченкѣ вставленъ былъ фитиль длиною въ пять дюймовъ. Фитиль этотъ передъ началомъ дѣйствія былъ подоженъ; но по какому то счастливому случаю зажженный конецъ на половинѣ всего фитиля отвалился и поджегъ лежавшія на полу декорации, которыя, воспламенившись, распространили огонь въ противную сторону отъ порохового боченка. Едва показался дымъ, какъ одинъ находчивый мастеровой, въ одинъ мигъ очутившись въ люкѣ, ногами принялся тушить загорѣвшееся, что ему вскорѣ и удалось. Такимъ образомъ одной только случайности и находчивости этого мастерового обязаны миланскій театръ своимъ спасеніемъ. Для отысканія виновныхъ въ поджогѣ немедленно были приняты самыя дѣятельныя мѣры и черезъ четыре дня открылось, что виновниками этого ужаснаго происшествія были: актриса Бюльдаръ и оперный хористъ Лудвигъ Боркманъ. Оба они уроженцы Вѣны и на совершеніе такого злодѣйскаго поступка были подкуплены за большую цѣну однимъ богатымъ негоціантомъ, имя котораго пока неизвѣстно. Не смотря на строгіе допросы и обѣщаніе смягчить наказаніе, поджигатели не хотятъ открыть главнаго виновника преступленія.

— На вечерахъ, которые давала въ Парижѣ г-жа Ристори до своего отъѣзда въ Америку, знаменитая актриса занималась, вмѣстѣ съ своими гостями, приготовленіемъ корпіи для раненыхъ итальянцевъ. За-

нятіе это, начатое знаменитою артисткою, вошло теперь въ большую моду между парижскими аристократами. Въ настоящее время у княгини Меттернихъ каждый вечеръ собираются ея близкіе знакомые и готовятъ корпію. Тоже самое дѣлаютъ во всѣхъ нѣмецкихъ или итальянскихъ салонахъ Парижа. Дерганье корпіи совершенно замѣнило тамъ вышивку по канвѣ, вязанье и другія женскія работы. Главнокомандующій итальянскими войсками отъ имени своихъ сослуживцевъ прислалъ Ристори письмо, въ которомъ благодаритъ ее за память и заботы о раненыхъ соотечественникахъ.

Ред. А. Баженовъ. За изд. Ив. Смирновъ. (Ред. на Молчановѣ, въ Годенскомъ пер., въ д. Дурновой).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

У ВѢДОМЛЕНІЕ

отъ известной дѣйствительно дешевой распродажи голландскихъ полотняныхъ товаровъ, находящейся на Петровкѣ, въ гостинницѣ Франція, противъ брат. Лапиныхъ.

Такъ какъ на дняхъ получилъ я огромную партію голландскихъ полотняныхъ товаровъ всякаго рода, которые распродаются ПО ВЕСЬМА ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ, какъ оптомъ, такъ и въ розницу, то надѣюсь, что почтеннѣйшая публика не минуешь удостоить посѣщеніемъ своимъ известный мой магазинъ, приобрѣтшій въ столь короткое время благодарности за своей СВѢЖИЙ И ДЕШЕВЫЙ ТОВАРЬ, съ которымъ не можетъ конкурировать ни одна распродажа—Слѣдующій преисъ-курантъ служить подтвержденіемъ моихъ словъ.

ПРЕИСКЪ-КУРАНТЬ.

1680 арш. шлезвигскаго полотна, ручной работы, для кальсонъ и рубахъ, въ кускахъ и остаткахъ, отъ 20 коп. за арш. и дороже. 2300 арш. голландскаго и бельгійскаго полотна и туалъ-батистъ, въ остаткахъ отъ 6, 8 и 12 арш., отъ 30 коп. арш. и дороже. Большой выборъ голландскихъ платковъ, прежде 1 руб. 40 коп. за $\frac{1}{2}$ дюж., теперь 1 руб. и дороже. 260 $\frac{1}{2}$ куск. голландскаго полотна, ручн. работы, на 6 сороч., прежде 13 руб., теперь 9 руб. и дороже. Большой выборъ франц батист. платк., прежде 3 руб. за $\frac{1}{2}$ дюж., теперь 2 руб. и дороже. 120 куск. брабант. полотна отъ 48 арш. на дюж. сороч., прежде 22 и 24 руб., теперь 17 и 18 руб. 60 куск. настоящ. голландск. полотна для простынь, ручн. домашн. раб., 2, $2\frac{1}{2}$ и 3 арш. ширины, 60, 90 коп. и 1 руб. 10 коп. за арш. и дороже. 340 куск. бельфильд. полотна, очень тонкаго, прежде 36 руб. за кус. отъ 48 арш., теперь 24 и дороже. 140 куск. бельгійскаго полотна (Kron-Linen) самаго тонкаго, прежде 60 руб. за кус. отъ 48 арш., теперь 40 руб. и дороже. Большой выборъ голландскаго столоваго бѣлья (Double damast) на 6, 12, 18 и 24 перс., бѣлья цвѣтн. скат., салф., полотн. и разн. др. полотн. товары по очень дешевымъ цѣнамъ. Заказы на дамское и мужское бѣлье исполняютъ аккуратно и добросовѣстно и принимаю по очень дешев. цѣнамъ. Порученія изъ провинцій не менѣе какъ на 50 руб. съ аккуратностію будутъ исполнены.

Н. ШЕРЕШЕВСКІЙ.

0—269.

ВЪ МАГАЗИНѢ Я. Р. ВИЛЛИАМЪ

(BAZAR DU VOYAGE),

въ домъ Рѣшетникова, на углу Петровки и Столешниковскаго переулка,

ПОЛУЧЕНІЕ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

РУЖЕЙ, ПИСТОЛЕТОВЪ И РЕВОЛЬВЕРОВЪ

всѣхъ системъ, Англійскихъ, Французскихъ и Бельгійскихъ известныхъ мастеровъ.

ПОЛНЪЙ ВЫБОРЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ДЛЯ ОХОТЫ И ДОРОЖНЫХЪ ВЕЩЕЙ, НЕСГАРАЕМЫХЪ ШКАФОВЪ, ШКАТУЛОКЪ И СУДУКОВЪ.